

БЕЗ ПРАВА НА НЕТ

МИЛЕНА ДЕ ВЕЙН

БУДЬ УДОБНОЙ,
ИНАЧЕ ТЕБЯ
РАЗЛЮБЯТ

КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЕЙ

- ПЯТЁРКИ
- ПОМОЩЬ
- УЛЫБКИ
- МОЛЧАНИЕ

ТЫ БЫЛА
СЛИШКОМ
ТОКСИЧНОЙ

С ДНЁМ
РОЖДЕНИЯ,
ДАША!

55

Ироничная и светлая история о том, как перестать
быть «святой» и наконец-то стать собой.

18+

Милена Вейн

Без права на «нет»

<https://litres.ru/74228742>

SelfPub; 2026

Аннотация

В родительском доме на улице Кораблестроителей Даша с детства усвоила главное правило: будь удобной, иначе тебя разлюбят. Пока её острая на язык сестра Катя открыто бунтовала, Даша пыталась задобрить весь мир, отрабатывая страх стать обузой.

В двадцать четыре года нерастраченная доброта уносит её в пригород Парижа — замуж за молчаливого француза с польскими корнями Марека. Но сменить декорации не значит сменить сценарий: мягкосердечная Даша превращает свой дом в бесплатный приют для соотечественников. Одна из гостей, Света, прожив у неё десять лет на полном обеспечении, после получения документов мгновенно исчезает в Ницце, бросив напоследок: «Ты была слишком токсичной».

Когда очередная приятельница решает въехать в её дом без приглашения, происходит неожиданное. Накопленная за полвека усталость взрывается тихим, но бесповоротным озарением.

Это ироничная и светлая история о том, как перестать быть «святой» и наконец-то стать собой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Милена Де Вейн

Без права на «нет»

Глава

Глава 1. Запах варёной цветной капусты

В родительском доме на улице Кораблестроителей всё было подчинено правилам, которые никто не записывал, но все знали наизусть. Например: суп — это обед, а не настроение; телевизор громко включают только дураки; мама всегда устала, даже когда спит.

Отец исчез, когда Даше исполнилось шесть, а её сестре Кате — двенадцать. Исчез он интеллигентно, по-советски: ушёл за сигаретами «Ява» и всплыл через три года где-то под Сыктывкаром с новой женой, двумя сеттерами и глуховатым баритоном. Мама его не ругала. Она просто произносила его имя с той выразительной интонацией, с какой обычно говорят о клопах или сырой штукатурке.

Воспитывать двух девочек в одиночку — подвиг, о котором мама напоминала им трижды в день: во время завтрака, обеда и ужина. Катя реагировала на подвиг с нездоровым цинизмом. В пятнадцать лет на мамино драматическое:

— Я ради вас костыми лягу!

Катя спокойно ответила:

— Ляг, мамочка. Только не на мой портфель, мне его в школу нести.

Катю порка не брала, стыд не выжигал. Она росла человеком, у которого начисто отсутствовал внутренний цензор. Если суп был недосолен, Катя говорила: «Мама, это бурда». Если к ним приходила мамина подруга в каракулевой шапке, Катя интересовалась: «Тётя Люба, а вы эту козу сами убили или вам подарили?»

Даша же была противоположностью. Она была Примерной Дашей.

Когда мама вздыхала, у Даши сжималось сердце. Когда мама смотрела на неё с лёгкой грустью — той самой, с какой смотрят на бракованный хрусталь, — Даша готова была вымыть пол во всей квартире. Она училась на одни пятёрки не из любви к математике, а потому что четвёрка означала, что мама будет полвека молча пить валидол на кухне, глядя в форточку.

Даша панически боялась быть неудобной. Служить казалось ей единственным способом выжить. Заслужить любовь, задобрить судьбу, стать настолько полезной, чтобы никто и никогда не подумывал уйти за «Явой».

Психологи называют это «адаптивным ребёнком»

и «синдромом спасателя». Но тогда, в девяностые, слова «синдром» и «гиперкомпенсация» знали только врачи в психбольницах, а на улице Кораблестроителей это называлось просто: «Вот Дашенька — золото, а Катька — чистое наказание, вся в отца».

Катька выросла, вышла замуж за мутного автослесаря, посылала всех на три буквы при первой необходимости и была абсолютно, безобразно счастлива.

Даша же выросла с перфекционизмом, дипломом истфака и глубоким убеждением: если кому-то рядом плохо — это её личная недоработка и она обязана её исправить.

Глава 2. Француз с польским акцентом

В двадцать четыре года с Дашей познакомился Марек.

Марек был французом польского происхождения. Это удивительное сочетание: от французов у него была лёгкая элегантность и привычка обсуждать сыр по сорок минут, а от поляков — лёгкая тоска в глазах и неистребимая любовь к супу из квашеных огурцов.

Они познакомились на выставке в Петербурге, где он путал «подскажите» и «подскачите», а Даша переводила ему Достоевского на французский с таким трепетом, будто сама его написала. Марек посмотрел на неё своим печальным славяно-галльским взглядом, и Даша поняла: она попала.

— Даша, — сказал он ей через два месяца, стоя на ветру у Невы, — ты невероятно добрая. Ты какая-то... святая.

Это был приговор. Похвала за доброту действует на таких людей, как Даша, лучше антидепрессанта. Подсесть на него легко, слезть — очень сложно.

Через два месяца она паковала чемоданы. Мама плакала в аэропорту Пулково.

— Кому ты там нужна? — всхлипывала она. — Там же капитализм! Там люди друг другу чужие!

— Мама, я буду помогать ему, — обещала Даша, глотая слёзы. — И тебе буду высылать лекарства.

Так Даша оказалась в пригороде Парижа. В небольшом доме с черепичной крышей, где розовые кусты пахли отчаянием, а соседи улыбались той безупречной, фарфоровой улыбкой, за которой обычно скрывается искреннее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.